

Светлана Говорова

Память сердца

Светлана Говорова

Память сердца

«Автор»

2025

Говорова С. Ю.

Память сердца / С. Ю. Говорова — «Автор», 2025

Перед вами второе дополненное издание книги Светланы Говоровой "Память сердца". Через все произведения красной нитью проходит одна простая истина: дети всегда остаются детьми - хоть в оккупированном городе, хоть в послевоенное время, хоть в наши дни. Детский пытливый ум всегда что-то изучает, его манит тайна, приключения, исследования. Легкий и образный язык рассказов позволит взрослому читателю не только самому ощутить необыкновенную жизненность историй, но и читать их вслух детям.

© Говорова С. Ю., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Предисловие от автора.	5
От читателя.	7
О повести "Честные люди".	8
Дети войны.	9
Честные люди.	9
Глава 1.	10
Глава 2.	11
Глава 3.	13
Глава 4.	15
Глава 5.	18
Воля судьбы.	23
Волшебные орешки.	29
Мужички.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Светлана Говорова

Память сердца

Предисловие от автора.

Наверное, в каждой семье есть истории, переходящие из поколения в поколение. С юных лет я слушала байку о прадеде Грише и прабабушке Поле, её часто рассказывала бабушка Маруся. Крылатая фраза деда Гриши: "А, молчишь? Ну щас заговоришь!", звучала при каждом удачном случае.

Однажды я задумалась: "Вот не станет меня, и что? История умрет". Чем больше я спрашивала Марусю о прадеде и прабабушке, тем отчетливей представляла себе их образ, характеры и уклад жизни. Впоследствии сложился мой первый рассказ "Чаша терпения".

В праздники мы собирались у бабушки. За столом звучали старые истории, слышали мы их несчетное количество раз, но в исполнении бабушки они не казались затертыми. Вспоминая своё детство, Маруся словно молодела на глазах. В шутку ругала дочь Наташу, а та делилась личным взглядом на собственные шалости. Потом доходила очередь до внуков и правнуков, веселые истории у Маруси находились про каждого из нас. И все мы, со своими взрослыми проблемами, на миг снова становились детьми. Эти историй легли в основу серии рассказов "Про Наташу" и цикла "Детство".

Любой творческий человек со мной согласится – родные люди не всегда могут дать критическую оценку творчеству. К счастью, на тот момент в моей жизни был близкий по духу человек – Зинаида Николаевна. Она библиотекарь с многолетним стажем, образованная, глубокая личность, к тому же с добрейшей душой. Я зачитывала ей по телефону свои рассказы, она слушала, делала замечания и хвалила.

Разговаривали мы подолгу, я рассказывала ей про бабушку Машу и её семью. То время она знала не понаслышке и часто вспоминала о себе. Под впечатлением от наших бесед я написала "Честные люди". Зинаиде Николаевне повесть понравилась, она подсказала мне продолжать эту тему.

В поиске новых историй я нашла книгу детских воспоминаний тех, кто в период оккупации жил в Пятигорске. Истории оставили впечатление и вдохновили. Внимательно выслушав рассказ "Мужички", Зинаида Николаевна попросила записать её воспоминания и взяла с меня слово – написать про её детство.

Когда я зачитывала ей свежий текст первой главы, мне показалось, связь пропала – в трубке была тишина. Оказалось, у меня вышло настолько достоверно, что у неё встал ком в горле. Название мы придумали вместе: "Воля судьбы".

Работу над ней я ещё не закончила, в книгу вошли лишь отрывки из будущей повести.

В моих историях очень мало придуманного, все они основаны на реальных событиях, и, наверное, поэтому кажутся живыми.

Надеюсь, дорогой мой читатель, что мои нехитрые рассказы заденут тонкие струны вашей души.

– Светлана Говорова.

От читателя.

Совершенно случайно я наткнулась на рассказ Светланы "Юный книголюб". С первых строк меня привлек легкий слог автора. Вроде бы простая история, но написана она проникновенно. Девочку мама отправляет в магазин, а она вместо мяса покупает книжки про Незнайку. Её энтузиазм так заразителен, что я невольно вспомнила своё детство, мне захотелось познакомиться с творчеством автора поближе.

На портале "Изба читальня" нашла рассказ "Сашка". Честно сказать, удивил стиль изложения и мастерство подачи материала на военную тему. Как воспитателю, мне часто приходится искать детские истории современных авторов. Многие тексты требуют дополнительной адаптации, а рассказы Светланы читаю детям в оригинале. Малышам по 3-4 года, заинтересовать их непросто, но рассказ "Мужички" ребята слушали, затаив дыхание. Сквозь горе и ужас войны у Вити – главного героя – появляется взрослая мудрость. Автор мастерски, немногословными штрихами, передает метания детской души: как быстро мальчику приходится взрослеть, становиться маленьким мужичком. На место героев дети представляют себя, а мне, как воспитателю, это кажется важным. После малыши задают мне уйму вопросов, видно, как у них просыпается интерес к истории.

Конечно же, я не литературный критик, но, как простой читатель, скажу – рассказы берут за душу. А в современной детской литературе историй, на которых стоит воспитывать детей, крайне мало.

– *Светлана Алябьева.*

О повести "Честные люди".

События рассказа "Честные люди" уносят читателя на 80 с лишним лет назад. Матрёна, главная героиня рассказа, растит пятерых детей в любви и заботе, не оставляя без внимания горячо любимого мужа. С утра хлопочет по хозяйству, когда балаболка Мартыниха приносит недобрую весть – началась война.

Простая русская женщина собирает всю свою волю в кулак. И когда Иван, не смотря на бронь, уходит на фронт, Матрёна не падает духом. Дети – её подспорье, мать им за себя и за батьку. От мала до велика, они, как и тысячи других, трудятся в колхозе, даже меньшая Наташа работает на птичнике.

В самую нужду дети подбирают пса. Матрёна ругается, но собачьи слёзы задевают до глубины души и отныне, она делит еду на семерых.

Достоверно описана жизнь пятигорчан в оккупированном городе: карательные отряды, массовые расстрелы и предательство своих же односельчан. Всем страшно. Матрёна и сама едва не стала жертвой фрица. Но дочь Маша не побоялась фрица с автоматом, вступилась за мать.

Мотя и дети видят расстрелы и зверства фашистов. Трудно пришлось, но семья дружно пережила лихое время.

Детвора, все бегали к перрону, всматривались в лица, встречали отца, а он так и не вернулся.

Любимого Ваню Мотя ждала сквозь годы, сквозь время.

Всю войну семью окружали добрые люди, готовые поддержать в трудную минуту. Благодаря таким семьям, детям и простым русским бабам, как Мотя, советский народ выстоял и победил. Честные – по-казацки значит уважаемые, почитаемые люди.

О семье Климовых по-другому и не скажешь!

Эта правдивая история подкупила меня своей искренностью и тронула за душу.

Заслуженный деятель искусств, актёр Ставропольского государственного театра оперетты –

Дмитрий Патров.

Дети войны.

Честные люди.

Глава 1.

С самого утра Матрёна кружилась по хозяйству. Встала рано, дел невпроворот. Хатка хоть и небольшая, но работы хватало. За трудовни в колхозе выпал выходной, вот и занялась по дому: постирать, заштопать, да и в огороде дел полно.

Запыхалась и присела. Вон бадылки как вымахали, пушай картошка растёт, хоть чуток, а сгинуть ей нельзя, пятеро ртов чем-то кормить надо. Матрёна зорким взглядом оглядывала своё не богатое, но ухоженное подворье. Меньшая Наташа сидела на лавке в холодке и увлечённо перекладывала веточки мелиссы и мяты. Приятный аромат травы понравился малышке, она нюхала, замирая от удовольствия. Мать улыбнулась, глядя на дитя.

– Дюже вкусная травка, да, милая? – ласково спросила она у дочки, а та заулыбалась в ответ, детские гладкие щёчки стали такими пухленькими, что их захотелось потрепать.

– Враз пирог состряпаю! Пригоршня мучицы есть, только воды надобно наносить. И где энтот Федька шалается?

У низкой деревянной калитки показался худощавый мальчик лет девяти.

– Явился! И где ты шалалался, негодник?

Мальчуган мялся у забора, поправил тёмный курчавый чуб и виновато произнёс:

– Мам, там батя просил помочь, – пробубнил Федя, тупя взор.

Мать моментально смягчилась:

– Ладно, не гундось. Хватай цыбарку, да натаскай воды из колодца. Враз пирог состряпаю.

Федя схватил с лавки ведро и мигом помчался к колодцу. Матрёна глядела сыну вслед: ”Какой пригожий хлопец растёт!”

Так уж вышло, полюбила она сильно Ваню, вот и рожала ему, а в тесноте не в обиде. Жили они хоть и бедно, но дружно. Муж был хорошим плотником, для всей округи мастерил то табурет, то лавку, трошки копеечку домой нес.

Старшая Шура пасла коров, вставала с ранья, собирала скотину по дворам и гнала на луг. Маша работала с матерью в колхозе, там крупной платили, изредка муки или зерна перепадало. Лиза, хоть и поменьше, но тоже помогала на птичнике, а как уборка урожая, так все в ряд работали, до ночи не разгибая спины.

Матрёна зашла в сени, сняла с гвоздя передник, повязала платок и занялась стряпней.

– Мотя! Мотя! Геть сюда, – кричала соседка у калитки.

Матрёна стряхнула руки от муки и выглянула на крыльцо:

– Тю! Мартыниха, ты опять погугарить пришла? Некогда мне, дел много, – махнула она рукой и направилась в кухню. В каждом поселении есть такая Мартыниха, которая обо всем знает, местное ходячее радио.

– Война началась! – крикнула соседка ей в спину.

Женщина на секунду оцепенела, маленькая фигурка её сжалась, плечи дрогнули. Она испуганно глянула на соседку.

– Как, «война»? – недоуменно переспросила Матрёна.

– Война. Передали по радио, уже всех мужиков собирают на площади.

– А мой к себе в столярку пошел...

– Зараз прослышал. Да вон они идут! – махнула Мартыниха в сторону улицы.

Матрёна сбежала с порожка, выскочила на улицу и, не чувствуя ног, понеслась на встречу Ване. Обхватила его обеими руками, крепко прижалась к нему. Худощавая его фигура слегка согнулась.

– Ну будя, не бойсь, – повторял Иван, глядя жену по голове.

Скинутым платком Матрёна утирала слёзы. Заглядывала в добрые, мягкие глаза мужа в надежде услышать, что триндычиха Мартыниха все перепутала.

– Война, Матронушка, началась, – глухо выдохнул он.

Посреди улицы стояли, обнявшись, двое: он высокий и стройный, она маленькая, чуть ниже его подмышки, жалась к нему. Тёмный курчавый чуб его развевался на ветру, он крепко прижимал к себе жену. Взглянул куда-то вдаль, правильные черты лица заострились и серые глаза вдруг потемнели. Этим двоим, как и многим в то время, предстояло пережить страшные и тяжёлые дни. Мотя и Ваня не знали, что их ждёт впереди, они просто любили и верили.

Глава 2.

С начала войны колхозы, заводы, всё в стране перешло в режим "всё для фронта". Стар и мал день и ночь трудились в тылу, сражаясь кто у станка, кто в поле – там, где было нужно.

Станкоремязавод быстро перепрофилировали, и Ваня вместе с братом Гришей и сыном Федей работали там без разгибу. Мужики жалели мальчишку – худенький, силёнок нет, а туда же рвался. Бывало, прикорнет где-то в сторонке, его не трогают, умаялся хлопец. Мотя с дочерьми, Шурой и Машей, трудилась в колхозе. Лиза, хоть и поменьше, но работы не страшилась, все помочь старалась. Чаще её за няньку оставляли с младшей Наташей, пара годков всего девчужке, вот и нянчила Лиза сестренку, да по хозяйству хлопотала вместо матери.

В колхозе пшено перестали давать, зерно и подавно, а коль возьмешь жменьку – лет на десять посадят. Было не богато, а стало голодно. Детей кормить надо, смотрит мать на них – и душа ноет, как тростинки худые.

Мотя и Ваня любой шматок домой несли. Зайдет отец в сени, а детвора гурьбой облепит его, он смеётся, каждого погладит по головке и достает из-за пазухи сверток. Положит на стол, раскроет хлипкую тряпицу, а там хлеб. Разделят на всех и едят с удовольствием. Зачастую Ваня и Мотя свою порцию деткам оставляли, мол, сами опосля покушают.

У брата Ивана, Гриши, корова была, так его жена Милочка, добрая душа, молока для младшей Наташи приносила. Дружно жили, стараясь лишней лопоту отдать, голодно порознь, а вместе оно всегда лучше, не так тяжело.

Поначалу казалось, что война скоро кончится, но сводки не утешали. Всей округой собирались на площади и, замерев, боясь пошевелиться, слушали бархатный голос Левитана. Мужчины и старики безнадежно вздыхали, женщины плакали и тихо расходились по делам. А ежели не успел кто услышать новость, то Мартыниха тут же прилетит к калитке и расстрекочет подробно. Стали приходить похоронки, бабы кричали, убивались, Матрёна глядела на них, и ком подкатывал к горлу. Прогоняя кручину, шла домой, к деткам и родному Ванечке.

Как-то вечером заходит в горницу, а там Иван держит в руках свои шаровары.

– Аль собрался куды? – покосилась на мужа жена.

– На фронт, – тихо ответил он.

Мотя вся обомлела, колени подкосились, и она присела на лавку.

– У тебя же бронь? – недоверчиво вопрошала жена.

– Была бронь, я её снял, – спокойно ответил Ваня.

Жутким холодом, как клещами, сцепило грудь, Мотя вздохнула, пытаясь протолкнуть ком, застрявший в горле.

– Ванечка, а как же я с детками, одна?

Слёзы катились по гладеньким щёчкам, по белому личику. Конечно, она знала, что этот день настанет, но в глубине души молилась, чтоб война поскорей закончилась. Обессиленно она стянула платок с головы, вытирая солёные слёзы.

– Мотенька, не бойсь!

– Мне страшно Ваня, так страшно! – рыдала она.

– Мотя, тебе нельзя бояться. У тебя дети, надо жить! Вы – моя семья, мои родные. Обещай мне, несмотря ни на что, вы будете жить!

В красных от слёз глазах ещё пару секунд назад беспомощной женщины появилась почти звериная воля волчицы защитить своё потомство, чего бы ей это не стоило.

Утром все округа столпилась на площади. Было шумно – кто плакал, кто смеялся, парочки поодаль целовались. Знакомые и малознакомые лица мелькали в толпе, все провожали отцов, сыновей и мужей на фронт.

В сторонке стояла и Мотя с детьми, рядом Милочка с детками, тоже провожала Гришу. Оба брата сняли бронь, нечестно сидеть в тылу, когда идет война, а работать и бабы смогут. Вон какая ватага детворы подрастает, они подмогут матерям, справятся.

Отец держал Наташу на руках, а постарше, Шура, Маша и Лиза, стояли рядом, каждый из них пытался приобнять отца. Федя схватил его за руку, боясь отпустить.

Грянула команда строиться. Федя вцепился ещё крепче, а девчонки по очереди кидались ему на шею. Мотя обнимала мужа, слёзы душили, голова гудела, казалось, она вот-вот грохнется.

– Мотя, ты мне обещала! – ровный Ванин голос привел в чувство, она взяла себя в руки.

– Я помню. Не беспокойся, я справлюсь. Мы выживем, обязательно. Ты только себя береги, возвращайся!

И Ваня передал матери на руки Наташу, как великую ценность.

Рядом Мила прощалась с любимым Гришей. Слёзы застилали глаза. Кроме как Милочка и Гришенька, они никогда не звали друг друга.

Призванных построили в шеренгу, звонкий голос скомандовал: ”Нале-ево!”, и длинный строй двинулся в путь. Площадь гудела, дети кричали вслед, махали отцам руками, те оборачивались, махали в ответ, уходя все дальше и дальше. Вдалеке уже маячили спины двух братьев. Мотя глядела вслед заштопанной, такой родной рубашке, про себя помолилась и вскрикнула: ”Заради Христа! Вернитесь!”

Им не дано было знать, что подготовила судьба. Они надеялись на лучшее, и не знали, что Иван пройдет всю войну и погибнет от шальной пули под Будапештом. А Гриша будет сражаться, попадет в плен, и фрицы его отправят умирать в концлагерь. Но он выживет, и вернется домой к детям и любимой Милочке. Моте и её детям будет всегда помогать, за себя и за брата.

Глава 3.

На ухабистой улице виднелась ватага ребят, мал мала меньше. За ними медленно плелись простоволосые милостивые женщины. Проводив мужей на войну, они проклинали поганого фрица. Сколько уже жен получили похоронки, а сколько ещё получают?! Так это одному Богу известно. Шли бабоньки и тихо молились за мужей.

– Я своему Ване в котомку ладанку пихнула. Нехай будет! – поделилась с сестрами Мотя.

– А я в рубаху зашила, – оживилась Мила.

– И я в узелок засунула, – подхватила Нюра, горько улыбнулась, и добавила: – Ну что, бабоньки! Будем чаяться, пусть лихо обойдёт наши хаты.

Брели пеши и думали, как без мужиков, одним, растить такую ораву. У Милы и Нюры трое, а у Моти аж пятеро.

– Эх! Перещеголяла нас Матрёна, – усмехнулась Нюра.

Бабоньки, хихикая, переглянулись. Беленькие Мотины щёки слегка зарделись.

– Да будет вам! Балаболки, – отмахнулась она.

Бабоньки воспряли духом и продолжили беседу. Нюра, сестра Моти, работала на бойне, козь перепадал какой шматок, делила с сестрами. У Милы была кормилица, Зорька – умница, а не корова! Молоко давала, а Милочка удоем делилась. Летом полегче, травка растёт, а вот зима – пора лютая. Мотя тоже кусок за пазухой не прятала, в лихое время горсть кукурузы – огромное богатство.

Обнялись горячеводские казачки на прощанье, утёрли слезу и разбрелись по хатам.

Дома Мотя рассадила детей по табуреткам и лавкам, которые Ваня смастерил. Глядит на них, а душа рвётся. Взяла себя в руки, помня, что должна быть сильной. И сказала им:

– Наперёд сего, дети мои, вы должны меня слушаться беспрекословно. Жалиться и подсобить нам некому. Отец на фронте, мы с вами должны выжить. Запомните: я теперь за себя и за батьку! Разбираться мне не с руки, кто прав, кто виноват. Ясно?

– Да, мама, – хором пробубнили все, от старшей Маши до младшей Наташи.

В колхозе шла уборка урожая, техники мало, исправную отправили на фронт. Из лошадей только клячи остались. Мужиков нет, одни бабы, дети да пара стариков. Тяжёлого ручного труда всем хватало. Сельская ребятня пахала, сеяла, сажала наравне со взрослыми. Летом наступала самая жаркая пора – полевая страда в колхозе. В каждой семье дети помогали матерям, многие оставляли учебу – сил не хватало, падали замертво. Их не просили, они шли сами, просто знали одно – Надо.

В военное время был указ на бумаге: детей допускать до работы на несколько часов, но в реальности все по-другому. Как и все, Мотины работали с утра до ночи. Девочки – Шура, Маша и Лиза трудились с матерью в колхозе. Бывало, доплетутся и засыпают прямо на голой скамье.

Старшим четырнадцать-пятнадцать, а Лизоньке семь, худенькая, бледненькая. Легла как-то в холодок отдохнуть на минутку и уснула. На беду узрел бригадир, отругал девчущку и лишил горсти жмыха. От обиды разрыдалось несчастное дитё, мать приглубила.

– Не бойсь, не пропадём! – успокоила она.

Федя, как единственный хлопец в доме, хватался за всё. Работал на молотилке, таскал снопы, стоговал сено, убирался на скотном дворе и плотничал. Этому ремеслу его отец научил.

Жили тяжело, но дружно. Мать слушали, наказ её старались не нарушать. Но дети есть дети, кто-нибудь да нашкодит. Тогда мать не разбирала, кто виноват, каждого хворостиной отхаживала. Иной раз спрячутся под кровать, в надежде, что по заднице не получат. Сидят тихо, а в хате-то две лавки, стол да кровать, особо не спрячешься.

– Ах вы ироды! Ах вы черти! Мать твою! И где вас шукать?

Возьмет она кочергу и давай каждого выгребать из-под кровати. Кричит, ругается, хворостиной хлещет.

– Я вам дам чертей! Паразиты! Будете мать слушать!

Опасались они её, маленькую, но бойкую женщину.

Работали много, недоедали, кушать хотелось всегда. Бывало, принесёт мать горсть дробленой кукурузы, наварят кашу, макитру поставят на стол и едят дружно. Маленькую Наташу оставляли то с Милыными детьми, то с Нюрыными, то кто-то из родных сестёр сидел в няньках. Милочка давала молоко для малышки, Мотя делила его на всех.

После уборки урожая ходили по полям, собирали остатки овощей, зерна или пшена. Раз как-то пошли Маша и Федя на поле, набрали горстку овса, а тут из неоткуда сторож! Испугались дети, похолодело все внутри. Страшно, посадит ведь, иль пальнёт из ружья. Стоят перед грозным дядькой, руки трясутся, ноги подкашиваются. Чумазые, в дерюжку одетые, глаза испуганные.

– Дять, ну прости! Прости нас, дять! Нас пятеро у мамки, а батя на войне. Прости, а, дять?

На счастье, попался им добрый сторож, отпустил с миром и зерно не забрал. А бывало по-всякому. Бежали храбрецы до хаты, довольные, что добычу принесли. Гадали всю дорогу, когда война кончится, так хотелось батьку обнять, прижаться к нему или сесть на коленки. Не знали они, что война будет долгой и трудной.

Глава 4.

Перебивались чем могли, мать умудрялась из всего готовить. По осени собирали с полей уже подмороженную свёклу, картошку. Детские ножки наматывали километры, ходили пеши в дырявых калошах, почти босиком, по грязным дорогам. Собирали картофельные очистки, мать промывала, готовила их и ели. Время шло, подросла Наташа. И как-то раз Лиза пошла на птичник с сестрой. Чистит клетку, а она узкая, пролезть вглубь не получается.

– Уди, дай я! – твёрдо заявила малышка и проворно запрыгнула в клетку. Маленькая, юркая, шустро прошлась скребком по углам. Бригадирша порадовалась, дала пару яиц и просила ещё приходить. Вот так и Наташа стала работать на птичнике. Приносила в дом свою лепту, гордо отдавала матери честно заработанное.

Шли раз девочки с птичника, и увязалась за ними собака. Небольшая такая, рыжая, гладкая и худая, как жердь. Лиза погладила её, Наташе стало жалко бедолагу. Так и пришли все втроем к дому. Мать отругала:

– Вас кормить нечем, ироды, вы зачем собаку припёрли? На что она? Вон пошла! Пошла вон!

Мотя гнала, но несчастное животное не уходило. В войну плохо и людям, и зверям. Дети украдкой, по кусочку, подкормили измученную собаку. Она улеглась у печи и уснула.

Вечером зашла Нюра и поставила макитру на стол.

– Вот, попробуй детей покормить. Я своих кормила. Не шибко вкусно, но коли выбора нет?

– Смекалка завсегда выручит, – согласилась Мотя.

Откинула тряпицу, а там тёмно-красная жижа.

– Чё энто?

– Говяжья кровь. На бойне сегодня коров забили. Это всё, что смогла. Закипяти, посоли. И вот ещё колобашка.

Мотя развернула белую тряпицу, а там – тёмный круглый хлебец.

– Спасибо тебе, Нюра, – расчувствовалась Матрёна. Грудь сдавило, ком перехватил горло.

– Ну что ты, родная моя! Перестань, зазря не надо. Мы же бабы, всё стерпим.

Женщины обнялись на прощанье, Нюра убежала домой, а Мотя стала собирать на стол. Разрезала хлебец пополам, часть убрала, другую разделила поровну. Кровь сделала, как научила сестра, поставила макитру на стол и вернулась взять черпак. Когда зашла обратно, увидела у собаки в зубах кусок хлеба.

– Вот зараза! Сволочь! – орала разгневанная мать, лупя то тряпкой, то рукой воровку.

Дети плакали, кричали, просили не бить собаку. Шум поднялся жуткий, громче всех рыдала меньшая Наташа. Загнанная и испуганная собака, поскуливая, вжалась в угол. Мотя на секунду замерла и устало упала на лавку. Из угла на неё горько смотрели печальные собачьи глаза, в них было столько боли, что казалось, она тихо плачет. Сердце сжалось. Впредь Мотя стала делить еду на семерых.

Мартыниха принесла весть, что в госпитале выкинули старые матрасы. Маша, Федя и Шура притащили пару окровавленных полосатых тюфяков. Содрали с них ткань, Федя натаскал воды, замочили, отстирали и иглой-цыганкой пошили платье и рубахи. Дети радовались обновкам, новое платье – всегда праздник. Почтальон принёс долгожданное письмо от отца, мать перечитывала его несколько раз, прижимая к сердцу. На радостях Мотя понеслась к Нюре поделиться.

– Нюра! – крикнула она, подбегая к изгороди.

На крыльце показалась худощавая женщина, на ходу она заматывала в пучок длинные чёрные, как смоль, волосы.

– Мотя, чё случился? – спрашивала она сестру, вставляя очередную шпильку в тугий пучок.

– Ваня письмо прислал!

– Радость-то какая!

Нюра подскочила и обняла Мотю. Они так и стояли у калитки, оживлённо разглядывая треугольный конверт, пока не услышали звонкий голос деда Ефима. Старичок ехал на бричке, гружённой дровами, горланя вовсю:

– Ветры дуйте, ветры войти,
Буйные кружитесь

По станице еду я –
– все посторонитесь!

Старый ишак медленно тащил повозку, дед развалился на возу, удерживая стремя.
– Тпр-р-р! – крикнул возчик, и ишак послушно остановился.

– Бабоньки, дрова нужны? Я сегодня добрый!

– Где же ты набрался, добрый дед Ефим?

– Цыц! Нечего мне тут зазря напраслину наводить.

– Мы тебя не урекаем, может и сами не прочь!

– А чё так? – дивился старик такому обороту.

– От Вани письмо пришло, радость у нас, – поделилась Мотя.

– Праздник – это хорошо! Нынче все не до веселья, радоваться нечему. Можно только с горя. – разглагольствовал дед.

– А дрова куда везёшь? – спросила Мотя.

– Да куда придётся! Хошь, тебе отдам?

– Давай, коль не шутишь!

– Токо все не отдам, самому мало.

Забавный старик рассмешил, и вдруг на душе посветлело. Сестры решили устроить небольшое застолье у Нюры во дворе. Соседки притащили летние дары из скудных хозяйств, стол получился не богатый, но весёлый. Дед Ефим, хихикая в усы, растянул гармонь и запел частушки:

– Раз на деда тень упала,
Столько девок набежало!
«Разойдися» – дед кричит!
Это шашка так торчит!
– У-у-ух!

Бабоньки выпили по рюмочке, скинув чувяки, пошли в пляс. А дед знай себе, давай наяривать:

– Всю неделю не спалось,
Не пилось, не елося...
Эх, девчонкам уж давно
Поплясать хотелось!
– У-у-ух!

Старик заметил, что все пляшут, одна только Мила тихо сидит в уголке. И Ефим решил встряхнуть молодуху, пуцай посмеётся. Так бодро запел частушку, подмигивая Миле, будто только что сочинил:

– Две оглобли под дугой
Милку сватает другой!
Зря носил я под полой
Леденец ей золотой!
– У-у-ух!

Утирая усы, дед подмигнул Миле, грусть исчезла с её лица, и она расхохоталась. Разудалый звук гармошки вперемешку с задорными частушками дарил праздник, которого так давно не было. Женщины согрели души, и, пусть ненадолго, но сбросили с себя тяжёлый груз, чтобы завтра начать всё заново.

Глава 5.

Несмотря на упорное сопротивление наших войск, фронт приближался. Ранним утром Мотя с Машей и Шурой собирали с поля картошку, вдалеке показалось зарево, раздался жуткий грохот и взрыв.

– Так близко стреляют. Страшно! – вздрогнула Маша, кидая клубень в цыбарку.

Начались налеты, во время бомбёжки прятались в погребе. Заслышав гул самолета, неслись в укрытие. Раз как-то побежали в подвал, когда закрыли крышку, заметили – нет Наташи! Мать кинулась наружу, там грохочет, дети в голос режут. И душа рвётся! Мотя обняла их, сползла по стене и заплакала.

Когда закончили бомбить, побежали искать. Нет нигде! От страха Наташа залезла под кровать, забила в угол и сидит, как мышь. В бомбёжку погибла собака, сильно горевали. Федя под старой грушей выкопал ямку, там и закопали любимого Шарика.

Бомбёжки продолжались. На улицах шли бои, дети слышали свист пуль и звук автоматной очереди. Бойцы Красной Армии, совсем мальчишки, вчерашние курсанты, стояли насмерть. И всё же в августе сорок второго началась оккупация. Город изменился, улицы опустели. Безликие люди жались к стенке, боязливо озираясь по сторонам. Фашисты пришли со своими порядками и согнали людей на площадь.

– Кто хочет у нас служить? – с наглой улыбкой спрашивал эсэсовец.

Ответ был очевидным, но, к удивлению односельчан, нашёлся доброволец.

– Я!

Из толпы вышел Мотин сосед, через пару домов напротив. Площадь загудела в негодовании.

– Молчать! – орал фриц на своём, за ним вторил толмач.

– Ах ты ж негодник! Ирод проклятый! Чё творишь?! Пацаном голопузым гойдал, а теперя в полицаи подался! Портки фрицам лизать! Сволочь! – ругался из толпы дед Ефим.

– Я жрать хочу!

Фриц одобрительно усмехнулся сопляку, кивнул автоматчикам, и те мигом вытащили деда на площадь. Народ, замерев, слушал немецкую речь.

– А ты жрать не хочешь? – перевёл толмач.

– Нет, я сытый!

Немец посмотрел старику в глаза. Ефима знали, как балагура и любителя заложить за воротник. Сейчас перед народом стоял иной Ефим, он гордо и бесстрашно глядел в упор на эсэсовца. Уверенным и жёстким взглядом дед будто пытался уничтожить фрица на месте. Односельчане встревожились.

– Russisches schwein! – брезгливо произнёс немец и хлестнул деда по лицу белым платком. Отошёл в сторону, махнул автоматчику, и тот нажал на курок.

Посреди площади, в луже крови, лежал дед Ефим. От неожиданности толпа попятилась назад. Бабы завывали. Мотя не успела прикрыть детям глаза. Все стояли в оцепенении, дети плакали. Немец отчеканил на своём, и полицай произнёс:

– Так будет с каждым, кому не нравится наша власть!

И начался сущий ад. По улицам носились легковые и грузовые машины с номерами ЕК-12-СД – одного из двенадцати карательных отрядов. Людей грузили сотнями в душегубки, возили по городу, пока не задохнутся, а трупы сбрасывали в котлован за кирпичным заводом. Мать наказывала детям – в ту сторону ни ногой. Колхозных коров угнали, забрали всю живность.

Пришли и в Мотину хату. В доме ничего не нашли, зато фриц в огороде набрал цыбарку помидор. Мотя кинулась к двери.

– Не дам! Не пущу!

Немец с автоматом, а против – маленькая женщина с кулаками, фриц дернул затвор. Дети замерли в ужасе. Маша кинулась закрыть собой мать.

– Киндер фюнф! Киндер фюнф! – кричала она, на ломанном немецком умоляя не трогать мать.

Помог случай. Подъехал мотоциклист, что-то крикнул, и фашист уехал, прихватив цыбарку с собой. Позже Мартыниха рассказала, что в тот день партизаны обстреляли немецкую часть.

Фашисты расстреливали сотнями, искали евреев и комиссаров. Соседку Моти забрали, кто-то донес, и больше её никто не видел.

Лихо настало. В хате стыть жуткая, сожгли всё, дров не осталось. И на рассвете Шура, Маша, Лиза и Федя пошли за хворостом. Путь не близкий, набрали связки – и обратно. Глядь, а рядом – немцы! Дети схоронились под большим камнем. Низина, как на ладони, и видно, фрицы пленных к оврагу гонят, а они в лохмытах, телешие, чумазые. Больно смотреть. Автомат как затараторил, а Лиза как вскрикнет! Автоматчик резко повернулся...

– Тикаем! – кричит Федя.

Подпрыгнули и понеслись без оглядки. Пули летят следом, ветки трещат под градом свинца.

– Ложись!

Упали и поползли, а автоматчик упорный, без остановки поливает. Грохочет на весь лес. Маша чуть поднялась, и пуля просвистела над ухом. Думали – всё! Но тут начался склон, и дети кубарем покатались вниз, будто клубки от снеговика. Прислушались – тихо!

– Лечу и думаю: “Всё, налыгнулась Манька!” – Маша нарушила тишину, и сразу все ожились.

– Я дюжа перепугалась, – призналась Шура.

– И я, – вторил ей Федя.

– Ты же горланил нам! – усмехнулась Лиза.

– Горланил-то одно, а вот пойду в сторонку, чтоб штаны не замочить.

Девчонки переглянулись, хихикая. Собранные вязанки второпях побросали, хворост пришлось набирать заново. Возвращались по темному. Шли околицей, чтоб на фрицев не нарваться. Идут тихо, говорят шёпотом. Подходят до кладки, глядь – а там мать стоит. Кинулась к ним, давай обнимать, целовать:

– Родимые мои! Хорошие мои! Пригожие мои!

Причитает, а слёзы катятся. Обнялись и побрели до хаты. Услыхала она, что фрицы на Машуке расстреливают.

– Как держала горшок в руках, так и выпустила! Не в чем больше кашу варить, – горевала мать.

– Так у нас и каши нет, – вспомнила Лиза.

Переглянулись и дружно рассмеялись. Страх прошел, лишь утром увидели – волосы у мамы побелели.

Наконец пришёл день, когда немцы отступили. Как все радовались! Заглянул военный, сказал, что Ваня Климов в госпитале лежит. Мотя накинула платок, забежала к Миле, наказала за детьми глянуть, и понеслась искать Ваню. В городском госпитале Вани не было, сказали, он может быть в другом городе.

Дело в том, что в военные годы Кавминводы были одним большим госпиталем. Раненых много, да и фамилия нередкая. Вот Мотя и ходила из одного города в другой. Домой вернулась разбитая. Климова она нашла, но не своего Ваню. Сёстры, как могли, утешали.

В оккупацию Нюра приютила девочку-еврейку, её родителей убили фашисты. Назвали её Нюся.

Работали трудно, но вместе полегче. Милыну корову угнали наглые фрицы, но проныра Мартыниха где-то отыскала приبلудную козу. Все были счастливы, жизнь налаживалась.

Однажды тёплым утром Мотя кружилась на кухне.

– Мотя! Мотя! – кликала Мартыниха за калиткой.

– Ну чего тебе? Балаболка, опять пришла языком почесать.

– Война закончилась! Мужики наши вернутся!

Мотя скинула платок и присела. Услышав новость, дети выскочили на улицу. Радовались, прыгали, сигали, кричали от счастья!

Односельчане прям на улице накрыли длинный стол, не богато, но от души. Пели песни, плясали и смеялись.

Вскоре стали приходиться эшелоны с фронта, дети всей гурьбой гойдали на вокзал. Стоят в сторонке и смотрят, как другие обнимают батю, кидаются ему на шею, он хватает девчущку, такую же, как Наташа, подкидывает её, а она звонко хохочет. Эшелоны шли, но отца всё не было. Детки посмотрят со стороны, и тихо бредут домой.

Как-то утром у калитки остановился почтальон. Пострелята на радостях кинулись к матери:

– Мама! Мама! Там почтальон пришёл!

Мотя выбежала на улицу, развернула бумагу... Её жуткий, истошный крик перепугал всю округу. Прибежала Нюра, за нею Мила, сбежались соседки. Мотя упала без чувств. Бабы затащили её в хату, вокруг бегали встревоженные дети, не понимая, что случилось. Мила взяла листок и прочла, как приговор: “Пропал без вести”.

Соседки разошлись, а сёстры ещё долго беседовали. Скоро дети стали замечать, что мать продолжает ждать отца, говорит о нем так, будто он ушел вчера и скоро вернется.

Мотя была молода, недурна собой. И однажды к ней постучал сосед Мишка, недавно вернулся с фронта, его семья погибла при бомбёжке. Но делать нечего, надо жить дальше.

– Мотя, может, чаем напоишь? По-соседски!

– Нема у меня чая! – буркнула хозяйка.

Сосед стал захаживать, то дров нарубит, то гостинцев детям принесёт. Бабы судачить стали. Мотя сердилась на них:

– Цыц! Балаболки!

Заходит как-то Михаил на порог, а она его веником как погнала:

– А ну геть отседа! Повадилося! Жаних нашолси! Пошел отседа! Сам запомни, и другим накажи, шоб неповадно было: я своего Ваню двадцать лет ждать буду. А ты иди в другую хату счастья искать.

Словно ниоткуда появилась Мартыниха:

– Мотя! Мотя!

– Чё орешь, як глашенная?

– Куда жениха подевала?! Дюжа гарный хлопец! – ехидничала баба.

– Налыгнулся жених! Был и сплыл! Иди, куда шла!

Мотя махнула рукой и зашла в хату. Случай не остался незамеченным, бабы долго судачили. Но Мотя, не обращая внимания на толки и пересуды, продолжала ждать своего Ваню. Сядет у окна и смотрит на дорогу. Иной раз подойдёт, откинет занавеску и выглядывает, не идет ли Ваня.

Время шло, дети выросли. У всех Мотя гуляла на свадьбе, весело, с шутками да прибаутками. Налъёт себе стопочку, скажет слово, и со всего маху бац! – рюмку об пол. На счастье!

Воля судьбы.

Отрывок из одноимённой повести написан на основе воспоминаний моей доброй знакомой – Зинаиды Николаевны Зиновьевой. Светлой её памяти и посвящается.

На улице клубилась снежная позёмка. Деревья с треском раскачивались и стонали под порывами ветра. Подвывая, в печи жарко горел огонь. Сквозь снежную муть за окном Зина заметила фигуру в тулупе. Полы его распахнулись, женщина замерла, нараспев воскликнув непонятное: "Бушу-у-у!". Порыв ветра разнёс отчаянный крик в белой мгле. Вся в снегу, она качнулась и двинулась дальше.

– Мама! Мама! Иди сюда, – воскликнула Зина.

Выглянув в окно, мать бросилась к двери, накинула тулуп и выскочила на улицу. Зина с любопытством прильнула к стеклу. На крик женщины вокруг собралась толпа. Бабы шумно галдели, качая головой. Зина заметила, как на лице матери застыл ужас. Чувствуя недоброе, девочка замерла.

Входная дверь скоро стукнула, заноса в избу холод. Зина подпрыгнула и понеслась узнать, что случилось.

– Лейлу волки задрали, – без предисловий сообщила мать.

– Как?

Зину сковал липкий ужас.

– Вот так! Сегодня утром, – обреченно выронила мать, – они с сестрой за дровами поехали, пока мы с её мамой на утренней дойке были. Бедная Ася! – утирая слезу, она упала на лавку, – А Алё лошадь спасла, с испугу пнула копытом волка и понесла подводу. Аля и уцелела. Бедная Лейла! Господи! За что малышке такое! – в сердцах воскликнула мать.

Бесконечное горе разрывало детскую душу, по щекам потекли слёзы. Уткнувшись в мамины колени, Зина горько заплакала, обнявшись, мать и дочь долго горевали по погибшей девочке.

Утром снег продолжал падать, но ветер поутих. На площади между домишек собралась толпа. Бабы словно окаменели от горя. В центре над бездыханным телом рыдала женщина.

Зина боязливо жалась к матери. В стороне стояли люди в форме. Председатель колхоза обратился к толпе:

– Приказано всем: в тайгу без собак ни ногой! Собаки – защита от волка, – он жестом указал на пушистых лаек, – зверь нынче лютует. В военное время и волку голодно.

В запале говорил он долго, не понимая мудреных слов, Зина с интересом разглядывала собак. После окончания длинной тирады все по очереди подходили прощаться с Лейлой. Следом за матерью семенила и Зина. Она робко глядела на припорошенное снегом мёртвое лицо, смотрела и не верила – ещё вчера они катались с горы на старой покрывке. В замешательстве Зина попятилась назад.

– Обещай мне в лес не ходить без собак, – шепнула мать.

– Обещаю! – поклялась Зина.

По глухой деревушке давно ходили дурные слухи. Злобный, голодный зверь нападал на кого придётся, но чаще на детей – то задерёт, то покалечит. Печь зимой топить надо, и ребята становились легкой добычей. Волк в войну продолжал плодиться, а охота на него не велась. Чую свою силу, серый лютовал шибко.

Люди привыкали ко всем тяготам. Шел второй год, как Зину с сестрой и матерью выслали. Потихоньку обживались. А куда деваться? Поддерживали друг друга, как могли. Зимой женщины работали на скотном дворе, труд тяжёлый. Дойку пропустить нельзя, вот дети и помогали. Сестре Зины недавно год исполнился. Таких маленьких оставляли в детдоме, навещать аж в район приходилось идти. Болела малышка сильно, и мать старалась любой кусочек ей передать.

А Зина уже взрослая, ей целых семь. Школьники наравне со взрослыми работали, пахали, сеяли, особенно жарко приходилось в сезон уборки урожая. Свалют в поле зерно, лежит оно, греется на солнышке. Заползет ребятня на кучу и давай сеять. Лопата большая, ручки устанут, а простаивать нельзя. Ладонками набирают зернышки и аккуратно сыпят в сеялку. Каждое зёрнышко подбирали, головой за него отвечали.

После лютых морозов долгожданное тепло казалось раем. Цветущие сопки и луга – для детворы раздолье. Городская Зина и не знала, что ёлки осенью сбрасывают иголки, а весной лиственница наряжалась в зелёный костюм. Густая тайга Зине напоминала сказочный лес, но в той сказке водились настоящие звери. Медведя раньше видела только на картинке, а в тайге встретила с ним нос к носу.

За сопками нашли малинник, и айда по ягоды! Дикая малина росла на опушке, дети на радостях кинулись в рассыпную. Зина ягодку смакует, одну в корзинку, а в рот целую горсть кладёт. Поближе притянула тяжелую ветку, глядь! – а там медведь слизывает ягоду с куста.

Ноги подкосились, страшно стало, друзья разбежались. Косолапый смотрит на неё и ревёт во всю. Зина вскрикнула. Мигом рядом появились собаки, лают, гонят медведя. Но зверь не уходит, лапами машет, когтища огромные, зацепит – так живого места не оставит! Лайки кидаются на бурного нахала. Укусили медведя и грозный рык загремел на весь лес. Зина присела и плачет в сторонке. Лайка кинулась к ней, прыгает вокруг, слёзы языком с детской щеки слизывает. Затрещали сухие ветки, заревел зверь недовольно, покидая малинник.

Подбежали ребята, подобрали ягоду в лукошко, и дружная ватага двинулась к поселку, а следом, виляя хвостами, побежали собаки.

На каждом шагу дети касались дикой и не всегда доброй природы. Летом урок природоведения проходил у них прямо на поляне. Ребята собрались вокруг учителя, он показывает сорванные цветы и рассказывает им про целебные свойства растений. Девтора обожала такие уроки: наберут разной травы, сушат и пьют дома душистый травяной чай.

Дети внимательно слушали учителя, и вдруг откуда-то издали послышался глухой щёлкающий звук. Учитель мигом всполошился:

– Быстро, уходим!

Приказ бывшего юнкера никто не оспаривал, дружная ватага мигом собралась и убежала из леса прочь. На опушке присели отдохнуть, и собаки рядом. Учитель рассказал ребятам, что так кричит ласка.

– Если кто-то из вас услышит этот звук, тут же убегайте, – предупредил он.

– Почему? – спросил наивно Ваня.

– Ласка – серьёзный хищник. Прячется на дереве, а если ей почудилось, что кто-то покушается на её добычу, юркая ласка падает сверху и впивается в шею. Одним кусом в шею она парализует человека, истекая кровью, он умирает.

– Какой ужас! – ахнула Люда.

– А вы откуда это знаете? – спросила Зина.

– Были случаи. В тайге надо быть всегда начеку! Ясно?

– Ясно, – ответили ребята хором.

По дороге дети все расспрашивали учителя про ласку. И учитель поведал им одну историю.

– Однажды люди увидели высоко в небе коршуна, в цепких лапах он держал ласку. Она умудрилась извернуться в воздухе и укусить птицу в шею, мёртвый коршун упал на землю.

– А ласка? – спросил Ваня.

– Убежала в лес.

– Ничего себе! – воскликнули ребята.

– Вот такой хитрый зверь. Берегитесь его!

– Расскажите нам ещё про ласку, – просили дети.

Учитель на миг задумался.

– О ласке есть много легенд. Вот, к примеру, в басне Эзопа Афродита превратила ласку в девушку. Но невеста во время свадьбы заметила мышь, кинулась за ней и снова стала лаской.

– А почему Афродита её опять не превратила в девушку? – спросила Зина.

– А зачем? Кто же поручится, что она не будет опять за мышами гоняться?

Дети задумчиво брели по тропинке. Несмотря ни на что, они оставались детьми, им хотелось слушать легенды и сказки. По краям проселочной дороги зеленой каймой тянулись хвойные леса. Лишь в глубине кроны сгущались, нагоняя полумрак, там всегда было темно и сыро. На гребне холма росли ели и лиственница. Двигаясь по тропинке, путники весело болтали, не обращая внимания на нависающую стену тайги.

Незаметно они вышли на опушку, взору открылась цветущая поляна. С холма уже виднелись серые домики поселка. Позабыв тревоги, ребята весело бегали по поляне. Опьяняющий запах травы, цветов, свежий воздух с хвойным ароматом дарили им радость.

Летом дети гурьбой ходили за ягодами. Наберут в берестяные лукошки земляники, брусники, голубики, а дома мама обязательно приготовит вкусненькое. В топких местах водились ядовитые змеи и росла клюква. Собирали и грибы, развесит мать связки, они сохнут, а хата наполнится приятным духом.

Бывало, тёплым вечером под дверью находили ежей, колючие зверьки часто навевались в гости. Чтоб напугать девчонок, мальчишки ловили ужей. Спрячет в карман, достанет и размахивает перед носом, она визжит, а пацаны хохочут довольные. Зина змей боялась и страшно ненавидела мышей. Пацаны исподтишка потешались над ней. Сам вид серой гадости приводил её в ужас. Мышиное полчище начиналось осенью. Зина жалела, что отец так и не успел сделать ей волшебную дудочку, как у Нильса.

В сумерках стали часто замечать возле хаты лису. Рыжая бестия охотилась на мышей, серые нахалы рыли норы прямо под домом.

– Не будем лису пугать. Переловит мышей и сама уйдёт, – предложила мать.

– Пусть ловит! Раз кота у нас нет, – согласилась Зина.

И правда, лиса навевалась, пока не истребила грызунов. Зина даже успела привыкнуть к пушистой охотнице. Красивая у неё шубка, тёплая, представляя свой сказочный мир, девочка даже завидовала лисоньке.

Осенью собирали урожай без отдыха, председатель подгонял успеть до холодов. Бабы копали картошку, а дети выбирали клубни. Картофель уродился отменный, крупный и разваристый. Наварят в мундире, Зина схватит, аж пальцы обожжёт, и кушает.

И вот, загрузили бабы мешки на повозки и повезли картошку в колхозное хранилище. Зина с матерью закопались под вечер, телеги ушли, и они остались на дороге одни. По ухабам тархтит подвода, сверху на мешках Зина сидит, мать быков погоняет и напевает себе под нос. Сумерки серым покрывалом окутывали поля. Лес стал чужим, неприветливым. Быки шли спокойно, но внезапно хрипеть стали. Мать беспокойно огляделась по сторонам и затянула:

– Темной ночью,

Да при луне,

Да во широком поле,

Да при знакомом табуне

Конь гулял на воле...

Зычный её бархатистый голос звонко разнёсся по простору. Подпевая, Зина глянула вниз, а с двух сторон волки окружили телегу! Зубы скалят, белые клычища блестят, хищники идут по пятам, чувствуя добычу. Тихо в след плетется стая, быки, храпя, тянут ярмо, а мать все громче и громче поет свою песню. От страха Зину озноб прошиб, сжалась вся. Мать глянет на дочь, мол подпевай, девчушка поёт, а слёзы катятся по щекам. С испугу не помнила, как доехали. Спрыгнув с подводы, мать обняла дочь, у самой душа в пятки ушла, но горланила громко, чтоб отпугнуть серую шельму от повозки.

Так и жили отважные бабы и дети в тайге: с надеждой и верой в лучшее.

Волшебные орешки.

(Отрывок из повести «Воля судьбы».)

Ясным морозным утром снег искрился в солнечных лучах. Наспех накинув шаль, Зина выскочила во двор. Как же давно она не была на свежем воздухе! Бескрайние таёжные леса сверкали под белым покрывалом.

– А ну бегом в дом! – раздался крик матери, – Ишь какая шустрая, хворь тока сошла и айда гойдать.

Мама ругалась, а Зина заворуженно глядела, как при каждом её слове вылетало белое облако.

– Марш в дом! – приказала мать.

Кутаясь в шаль, дочь послушно побрела в хату. У забора послышался скрип полозьев, Зина обернулась. По хрустящему снегу подъехали пошевни, в них, укутанный пологом, сидел конюх Василий. На морозе нос его покраснел, брови, борода и усы покрылись белым инеем. В пушистой шапке он походил на деда Мороза.

– Шикарная шапка, – подмигнула конюху Аня. Василий в ответ расплылся в улыбке. Круглые щёчки и блеск в глазах придавали деду ещё большей сказочности.

– Шил-то не абы кто, а сам кремлёвский портной! – похвастался конюх.

– Вась, так ты чё хотел-то?

– Ань, вас комендант требует, – пробубнил он, слезая с повозки.

– Меня? – переспросила мать.

– Тебя, вместе с Зиной.

– Мы мигом, – бросила Аня на ходу и кинулась в дом.

– Ехать будете, как царицы, – хмыкнул дед, откидывая сено в сторону. Под сеном место было устлано волчьими шкурами.

– Спасибо тебе, Вася, – в сердцах обронила Аня, усаживаясь в сани.

– Дай-ка я вас укутаю.

Конюх заботливо обложил пассажиров соложкой, а сверху кинул шкурки.

– Вот и серый негодник сгодился, – хихикнул дед.

– Но, родимая! – выкрикнул возчик, и старая кобыла поплелась по скрипучему снегу.

С мамой Зина часто бывала в комендатуре села Вдовино. Раз в месяц они ходили на регистрацию, но на этот раз их почему-то вызвали аж в Пихтовку.

– Пока посиди здесь, – говорила мать торопливо, усадила дочь на лавку в управе и судорожно поправила шаль.

У двери в смятении скинула шаль с головы, разгладила её на плечах, вздохнула и зашла в кабинет. Скучаяще болтая ногами, Зина разглядывала морозные узоры на стекле.

Через несколько часов дверь отворилась, человек в форме попросил Зину зайти, а Ане сказал остаться.

В большой комнате Зине дунуло в нос застарелым табаком вперемешку с кислой квашеной капустой. В животе засосало. “Дурацкие лягушки опять кусаются”, поморщилась Зина, разглядывая кабинет. Посредине стоял длинный стол, за ним сидели двое в форме, усаживаясь на стул, к ним присоединился и третий. Мрачные лица внимательно её изучали. В свои неполные семь худощавая бледная девочка на длинных тонких ножках казалась несуразной в огромных сапогах и поношенном платье.

Молчание давило. Зина растерянно стянула пуховой платок, и жидкие русые волосы растрепались по её испуганному лицу. Смахнув волосы со лба, в одном из чужаков она признала председателя колхоза “Восход”, где работала мама, а она помогала в уборке урожая. Но Иван Ефимович сделал безучастный вид. В центре, видимо, сидел начальник, он что-то писал, затем поставил перо и обратился к ней:

– Как тебя зовут?

– Зина, – проямлила девочка.

– Твоя мама работает в коровнике?

Переминаясь с ноги на ногу, не зная, что сказать, Зина молча куталась в платок.

– Надо отвечать, когда тебя спрашивают, – прикрикнул на неё начальник.

Дрожа, будто птенец, вывалившийся из гнезда, девочка еле слышно шепнула:

– Да.

Военный довольно усмехнулся и продолжил допрос:

– А мама молоко домой приносит?

Зина вспомнила, как мама отпаивала её горячим молоком, когда та болела, но, чувствуя неладное, резко ответила:

– Нет.

Комиссар переглянулся с товарищем, недовольно сморщил лоб и произнёс:

– Как же так? Мать доит коров, а молока в дом не носит?

Под пристальным взглядом Зина вся съёжилась, теребя платок. Портянки в сапогах сползли и больно давили. Полными слёз глазами девочка искала и не находила сочувствия. Зине так захотелось взмахнуть волшебной палочкой и исчезнуть. Взгляд её бегал по комнате в поисках убежища: шкаф забит бумагами, в нем не спрячешься, под лавкой тоже. Может, залезть под стол? Она припомнила, как когда-то отец находил её в укрытии, подкидывал на руках, и она заливалась весёлым смехом. Но под этим столом злые дядьки её сразу найдут. Зина закашлялась, проталкивая ком в горле.

– Зина, ты не заболела? – тактично спросил комендант.

– Нет, я уже выздоровела, – прохрипела она в ответ.

– Наверное, тебя мама горячим молоком лечила? – приветливо спросил военный.

Насупившись, Зина метнула на него гневный взгляд. Ноги одеревенели, но отважная девочка твёрдо знала – маму выдать нельзя.

Допрос продолжался, от монотонности голова гудела, Зина устала, но послушно отвечала на одни и те же вопросы.

Сменив тактику, на неё кричать перестали, и теперь беседовали по-дружески. Один из военных рассказал ей про котёнка Кузю, который, когда пьёт молоко, полностью залезает в тарелку. Зина не удержалась и поведала про своего ёжика Жужа. Слово за слово, не заметила, как выдала, что молоко дома все-таки есть. Услышав нужное, комиссар записал что-то, поставил перо в чернильницу и произнёс:

– Зина, ты свободна. Теперь мы поговорим с твоей мамой.

Поблуднев, как полотно, девочка попятилась назад и прижалась к стене.

– Нет-нет! Мама домой молоко не носила, – мотая головой, залилась она слезами, но её уже никто не слушал.

В дверях осунувшаяся и несчастная Зина столкнулась с мамой и отчаянно кинулась к ней.

– Мамочка! Мама, прости меня!

Дверь захлопнулась, Зина испуганно вздрогнула, всхлипнула и носом уткнулась в тулуп Василия.

– Ну будя, будя убиваться, – похлопывая её по плечу, приговаривал дед. У старика тоже в глазах блестела слеза.

– Всё проходит, и это пройдёт, – проронил он, глядя на морозное узорчатое стекло.

“Предательница!“, ущипнула себя Зина за щеку.

Мать задержали. Скоро на улице стало смеркаться, дед Василий усадил Зину в сани, укутал и повёз на ночлег. Пóшевни остановились возле деревянного домика. В сенях пахло опарным тестом и дровами. Навстречу им вышла статная женщина, отряхивая руки от муки о передник.

– Василий, – обняла она конюха, – надо же, ты прям к празднику, да не один. Заходите, гости дорогие, я как раз тесто завела.

– Познакомься, это Зина, – указал он рукой на девочку, – Зиночка, а это тётя Вера. Мы сегодня здесь переночуем, чтоб в потёмках не ехать.

– Оставайтесь, конечно, – сияла Вера, – зверь нынче лютует, и до беды недалеко.

Зина смутилась, шмыгая носом, поглядывала на хозяйку. Вера заметила на бледном детском лице недавние слёзы. “Бедняжка”, сжалилась женщина. Зина в своей громадной фуфайке, замотанной платком, топталась, не зная, куда приткнуться. Вера по-матерински приобняла девочку и провела в комнату.

Изба была чисто убрана: на окнах марлевые шторы, посередине стол, вокруг него лавки, а по углам кровати с подушками. На встречу гостям выбежала девочка лет шести.

– Познакомься, Зиночка, это моя дочь Валя.

В ответ Зина молча кивнула. Шустрая Валя помогла заезжей гостье раздеться и усадила за стол.

– Сейчас, я мигом. Лепёшек состряпаю и будем пить чай, – посулила хозяйка, продолжая возиться с тестом.

Зина пересела к огню погреться. Дрова трещали, и Валя, собирая на стол, без умолку болтала. От вкусного запаха лепёшек потекли слюни. Обжигая пальцы, Зина жевала лепёшку, запивая пряным иван-чаем с земляникой, и слушала оживленную беседу за столом. Вера и Валя наперебой рассказывали гостям о премьере спектакля “Снежная королева”. В Пихтовке среди ссыльных было много творческих людей, и при доме культуры они своими силами организовали художественную самодеятельность.

– А знаете, какая у нас библиотека? – уплетая лепёшку, щебетала Валя.

– Представляете, Роза Захаровна мою Валечку научила читать, – хвасталась Вера.

– Зин, а давай и ты с нами пойдёшь? – неожиданно предложила Валя, причмокивая чай из блюдца, – Сегодня же Новый год.

Перестав жевать, Зина удивлённо уставилась на новую подружку.

– Как, «Новый год»?

– Ты как с луны упала, – хихикнула Валя и продолжила трещать о том, как ей повезло побывать на репетиции спектакля.

Поражённая Зина методично отламывала кусочки от лепёшки и, размышляя, складывала их на тарелку. Как же так вышло? Она забыла про Новый год? Если бы не комендатура, то мама, конечно, устроила бы ей праздник. Хлопнула дверь, и Зина очнулась. Шумное семейство умчалось, в избе стало тихо и тоскливо.

– Чего сидишь? Пошла бы следом, – увещевал дед, – Девочка моя, ты пойми, твоей вины в этом нет.

Шершавой ладонью Василий утер слезу с её щеки.

– У меня в детстве тоже была ёлка, – подперев щеку рукой, меланхолично выдал он, – Украшения мы делали сами. Семья у нас большая была, мать Рождество очень любила. В канун соберёт нас, гурьбой усадит и рассказывает истории... А мы верили и ждали чуда.

Слушая его, Зина представляла себе нарядную ёлку, с разноцветными шарами и огнями.

– Ты сходи, сходи... – приговаривал дед, – В чудо надо верить. Загадай желание, оно обязательно сбудется.

Говорил старик так проникновенно, что Зина воодушевилась и вышла на улицу. Снег мирно скрипел под ногами, мороз щипал щеки. Из окон дома культуры мерцал тусклый свет. Зина забралась на сугроб, прильнула к узорчатому морозному стеклу, подышала на него и пальчиком сделала глазок. Заглянула и внутри увидела нарядную ёлку. Новогодняя красавица, украшенная самодельными игрушками, искрилась разноцветным серпантинном. У Зины аж дух захватило от восхищения.

Неожиданно хлопнула дверь. С испугу девочка поскользнулась и кубарем полетела вниз.

– Вы не ушиблись? – к ней подскочил мужчина в тулупе.

– Нет, – потирая попу, прошептала она.

– А почему вы не заходите? – удивился незнакомец. В ответ Зина насупилась, шмыгнув носом. Мужчина внимательно посмотрел на неё и с улыбкой прикурил папиросу.

– Надо полагать, что в школу вы ещё не ходите, – решил завязать разговор незнакомец.

– Нет, мне нет семи, – промямлила Зина.

– Ничего, скоро исполнится, и вы, милая барышня, станете ученицей.

Белые клубы дыма, словно облака в небе, застывали на морозе и плавно рассеивались в темноте.

– Давайте, что ли, познакомимся?

– Давайте. Меня зовут Зина, – представилась девочка.

– Честь имею, – салютовал незнакомец, цокнув каблуком сапога, – бывший артист театра, ныне руководитель клубной самодеятельности и по совместительству учитель сельской школы – Игорь Вениаминович.

Новый знакомый жизнерадостно расплылся в улыбке и так забавно скорчил рожицу, что Зина хихикнула.

– Ну вот, вы, Зиночка, наконец улыбнулись, – обрадовался он. Подмигнул ей, затянулся папиросой и спросил, – Видно, с вами что-то недоброе случилось?

В ответ Зина понурилась и принялась ногой разгребать снег. Оставив попытку разузнать про её беду, бывший артист выдохнул клуб дыма.

– С нами со всеми что-то недоброе случилось, – рассеянно протянул он, глядя в тёмную даль.

Из дома культуры слышались бурные овации и крики: ”Браво!“

– Сегодня у моих учеников премьера, – пояснил он, махнув рукой на окно, – а я жутко переживаю, вот и вышел на перекур.

Глаза его при этом сияли, и почему-то рядом с ним Зине стало спокойно. Игорь Вениаминович снова затянулся и заговорил:

– А знаете ли вы, милая барышня, что наша Пихтовка – воистину райское место. Когда пойдёте в школу, вы это обязательно поймёте. Кстати, весной у нас проходят чтения, непревзойдённая Роза Захаровна читает произведения русских и мировых классиков. Вы обязательно приходите послушать.

– Я приду, – кивнула в ответ Зина.

– Она удивительной души человек, такие люди умеют наполнить детские души светом. Смеею вас заверить, милая барышня, только в этом райском месте, в обычной сельской школе вам будут давать уроки писатели, художники, профессора и даже доктора философских наук.

От удивления Зина вытаращила на него свои ясные голубые глазки.

– Да-да! И не сомневайтесь, место здесь поистине райское, – расхохотался он, – А теперь, возможно, вы, Зиночка поведаете мне по секрету, – подмигнул он, – о своей беде?

Игорь Вениаминович показался Зине человеком, заслуживающим доверия, и она рассказала ему про допрос, маму, а в конце сожалела о том, что все это случилось под Новый год и, наверное, никакого чуда теперь не произойдёт. Игорь Вениаминович выслушал её внимательно и задумчиво поправил накиннутый на плечи тулуп.

– Я сейчас! – взволнованно воскликнул он и скрылся за дверью. Через минуту Игорь Вениаминович появился на крыльце.

– Посмотрите, милая барышня, что я вам принёс, – таинственно произнёс он, разжал кулак, и Зина увидела на ладони три орешка в яркой фольге.

– Это не простые орехи, – шепнул он, – они волшебные.

Распахнутые детские глазки загорелись надеждой, Зина ликовала от счастья: с ней и вправду может случиться чудо.

– Слушайте меня внимательно и запоминайте, – назидательно начал Игорь Вениаминович, – ровно в полночь, вы должны загадать три своих самых-самых заветных желания. Съешьте орешки, и желания исполнятся.

Потрясенная девочка взяла из его рук великое сокровище и сжала в кулачок.

– А сейчас идите домой и помните: ровно в полночь! Осталось всего полчаса, – крикнул Игорь Вениаминович ей вслед.

Счастливая Зина бежала домой и по дороге обдумывала свои самые сокровенные желания. Останавливалась, что-то про себя бубнила и неслась дальше. Зайдя на порог, она уже точно знала, что загадает. Василий мирно посапывал, Зина аккуратно вытащила его карманные часы, положила их перед собой на стол и принялась ждать.

Когда обе стрелки сошлись на двенадцати, она разбила первый орех и пожелала, чтобы мама была с ней рядом. Следом разбила второй и загадала себе подарок, уж очень хотелось в Новый год получить хоть малюсенький подарочек! Последним разбила третий орех и загадала, чтобы война закончилась. С чувством выполненного долга, легла на кровать и мирно уснула.

Утром её разбудили взрослые голоса. Один из них показался ей знакомым. Открыв глаза, Зина увидела маму, прыгнула с кровати и, ликуя от счастья, повисла у неё на шее. Зина торжественно – орешки и правда волшебные, но рассказывать об этом никому не решилась. Вдруг чудо не работает?

С Верой и её детьми распрощались по-родственному, обнялись у калитки, Василий вскрикнул: ”Но, родимая!”, и сани покатались по скрипучему снегу. Дома мать растопила печь и унеслась на работу, а Зина осталась наводить порядки. Умаялась и присела, задумалась, как должно быть интересно в школе.

Стало смеркаться, в печке трещали дрова, стукнула дверь и с порывом холода на пороге появилась мама.

– Доченька, у меня для тебя подарок.

– Подарок? Мне? – недоверчиво переспросила Зина.

– Вот, смотри!

Из-за пазухи мать вынула свёрток, развернула, и Зина увидела большущий кусок белого хлеба. От радости слёзы сами покатались из глаз.

– Ну что ты, милая, – обняла её мать, – тётя Нюся сегодня в пекарне, я у неё для тебя и выпросила.

– Mamочка, я так тебя люблю!

Засыпая, Зина думала про три волшебных орешка. Исполнилось, правда, только два желания, она все гадала, когда же исполнится третье. Совсем скоро придет весна, и Зина снова вспомнит волшебные орешки, когда все узнают про Победу.

Мужички.

Очнувшись с рассветом, Витька подпрыгнул с бревна и побежал к дому. Старая лестница предательски скрипнула, он замер, прислушался и шустро залез в укрытие. Ещё до войны они с отцом смастерили дозорный пункт на чердаке, отсюда по всей черте просматривались пути подхода к поселку. В дозоре он первый увидел на дороге немцев и со всех ног кинулся разнести по поселку недобрую весть.

Фашисты пришли со своими законами. Местным туго пришлось. Женщин с детьми, как скотину, выгнали в хлев, а сами заняли дом. До оккупации мать приютила беженку с двумя детьми: Томе пятнадцать, а младшей Зосе – четыре. Соседи чужих пускать боялись, а мать, добрая душа, пожалела скитальцев.

Весь вечер накануне Витька чего-то боялся, вздрагивал от каждого звука. На задворках дома полицаи заливались самогоном, несколько немцев тоже пили с ними. Нажрались и, как очумелые, носились по двору, пытаясь поймать несчастную курицу. Раздался выстрел, а за ним громкие аплодисменты, хохот и возглас:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.